

Андрей Шамин

Ветер летящей зари

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Андрей Васильевич Шамин

Ветер летящей зари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32842185

SelfPub; 2018

Аннотация

Ранним утром, когда нежный туман ещё окутывает дремлющую землю, странные люди, которых считают не от мира сего, стряхивают остатки сна неспешной прогулкой. Они выходят на берег реки или моря и замирают, прислушиваясь к чему-то, что растворено в начинающем розоветь воздухе... Так рождаются стихи и сказки – слетают с пера, начинают свой путь к читателю... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ветер летящей зари	4
От автора	5
Вместо пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ветер летящей зари

*Светлой памяти Пелагеи Поликарповны Шаминой,
бабушки моей, посвящаю*

*Ветер дышит, где хочет, и
голос его слышишь, а не
знаешь, откуда приходит и
куда уходит
Иисус Христос*

*Есть ветер такой,
Что волос не растреплет
Не шевельнёт даже листьев
А просто вдруг налетит
Неизвестно откуда
И заставит подумать
Внезапно прошелестев на
Рассвете:
Что-то от нас далёкое
Существует на свете
Стефан Раичкович.*

От автора

*"Идёт ветер к югу,
и переходит к северу,
кружится, кружится на ходу своём,
и возвращается ветер на круги свои".
Екклесиаст, глава 1, стих 6.*

Всё было, всё есть, всё будет...

Вместо пролога

Что – если настала бы тишина,
Не на день – навсегда?
Отражение долгого сна –
Тишина навсегда тишина...
Тишь – бездонная пропасть -
Улететь, раствориться, пропасть
В ней, в тиши...
В ней —
Нирвана...
Тишь – она -
Отражение долгого сна.
Мир сошёл бы с ума –
Шум исчез, гам исчез – тишина,
Как немое кино –
Суета, толкотня и —
Тишь –
Она —
Голубое окно
К себе, если не спишь.
Если сам с собой в тишине,
Если мир ликует в весне...
Отражение долгого сна,
Избавленье и боль —

Тишина

Глава 1

Чёрной тенью метнулась из ослабших пальцев и закачалась гудящим маятником трубка. Я до боли, так, что побелела ладонь, ударил, (хотя зачем? – ведь он же не виноват!) серый ящик. Чёрт!.. Эти цифры ... Они набирались с трепетной надеждой, всё во мне затихло. Чего я хотел бы сейчас – это чтобы там подняли трубку, этот кусок пластмассы, ставший весом равный моей судьбе. И когда пискнула последняя цифра, и когда длинный безжалостный гудок пронзил сердце, внутри что-то оборвалось и мир замер. И только во мне тягуче медленно раскачивался маятник. Вот остановился и он; время застыло.

Я хотел стряхнуть это тягостное оцепенение и ударил, ударил безмозглую штуку, отказывающуюся мне помочь. Телефон захлебнулся рваным режущим уши писком, но я уже ничего не слышал... Из забытья меня вывел бесцеремонный стук.

– Ну, сколько ещё можно пиздеть – люди ждут! – мордастый тип, весь в коже, сверкнул золотым ртом.

– Извините... – послышался мой голос, словно записанный невесть когда на ленту и только сейчас воспроизводимый.

“Золотой зуб” сделал ручкой и захлопнул дверцу. К нему судьба оказалась благосклонней, – уже через пару секунд он,

скалясь, отрывисто что-то кричал в трубку, выплёскивая далёкому собеседнику всё накопившееся нетерпение.

Эх, судьба, – всплыло в голове, – если она – дама, то здесь применимо – чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей. Хм... Жизнь... Судьба... Да. Если у вас депрессия, то не о чем больше жалеть...

Глава 2

Солнце стояло в зените, когда я преодолел часть расстояния до своего убогого (убого – убога, мы все живём у Бога, – каламбур, однако!) жилища.

Тень задыхалась под ногами. Вминая её в расплавленный асфальт, я брёл в никуда... Если тебе надоело жить, то прольётся масло на рельсы трамвая...

Визг тормозов лишь на миг вернул меня в покинутую реальность.

– Ты! Что!?! Придурок!

Хлопья звуков, плавно кружась, сыпались с белёсо-голубого свода и падали в бездонный колодец, забитый облачной ватой. Тело моё встряхнулось.

– Твою мать! Глухонемой, что ли?! – чёрные зрачки, полыхая гневом, надвинулись; искры посыпались на самое дно – Твою мать! – и, почти участливо, – чокнутый... Ну и хуй с тобой.

Меня куда-то потащило.

– Вот это – тротуар, а то – улица. Надо по тротуару идти. Понял? Ну... Топаи!

Глава 3

Что ни случается – всё то к лучшему, – встряска помогла – иначе я так бы и затерялся в этом, ставшим сразу чужим лабиринте. В короткое мгновение прояснения увидел я табличку – оставалось всего-то, да ладно, какая там разница... Вот это меня и угнетало.

Я растягивал эти жалкие метры как кондом. Я убивал время, а оно убивало меня. И всё же то, что я задумал, эта проклятая ситуация, этот миг развязки, кульминация, апогей или, наоборот – перигей приближались неотвратимо – расстояние сокращалось.

Я ещё имел возможность... Канавой улицы миновать дом и отдаться суетному потоку. Он подхватил бы меня, как в паводок пьяная свободой река кружит дерево, сорвавшееся с яра, омывая пеной некогда величавый ствол, и унёс. Унёс в иллюзорную неизвестность бордового вечера, полного хрустальных миражей и томных ароматов. Но я не мог.

Мир ещё существовал, – но меня в нём не было. Я принял решение ещё до того, как... Ну не связала Фортуна оборванную нить и ... Отступить? Хм... просто уже не было причин. Не было! И от осознания этого глаза подёрнулись влагой...

Видимо злой дух следил за мной – мир размыло именно в тот момент, когда я зашёл в подъезд и поднялся к двери. На ощупь я вставил ключ и вошёл. Лёгкое дуновение осушило

слёзы. Дверь, щёлкнув шлепером, отсекала остальной мир. От удара из-под номера выпал маленький, сложенный вчетверо, листок – мелькнула лишь светлая тень.

Глава 4

Дальше я действовал с завидной решительностью. Перво-наперво навёл полный порядок – даже пыль, веками копившуюся на полках, вытер. Взял томик, наугад открыл – Руах¹, хм... Кисло усмехнулся. Потом аккуратно сложил книги; накрыл пледом пишущую машинку. Умылся и с наслаждением почистил зубы, машинально отметив: надо б к стоматологу, и сам себе улыбнулся в серебряный туман. Отражение среагировало адекватно, но вместо улыбки я почему-то увидел осуждение.

– И ты, Брут! – сказал я ему – Грустно... В этом мире даже отражение против. Ну... Хрен с тобой, дорогой! – и нараспев прочёл, скорее для себя, – “Как ни жаль – всё ж когда-то умрёшь: раз посеял печаль, значит, лихо пожнёшь...”

Засим я с ещё большей энергией продолжил наводить марафет. Горящие волны уходящего дня плеснули в окно. Несчастливая любовь – потухшие облака над морем...

Запираться не стал, оставил все, как есть (почему-то стало жаль двери, – небритые садюги-слесаря с их ломami, фомками и другим снаряжением). Брр! – пусть всё будет цивилизно. Будильник зазвенел остатками завода. Уже можно вставать... – Забавно! – автоматически отметил я, – комедия ля финита!

¹ Руах – ветер, дух. древне-еврейск.

Глава 5

Как говорят: “Ху есть ху, а все мы – актёры большого театра”. Вот и способ был потому несколько артистичный выбран, но такая уж художественная (видимо от слова “худо”) я натура; не буду описывать все его тонкости и достоинства. Это был мой выбор. И точка. Точка и ша!

Процесс происходил в две стадии: сначала расслабление, ну а потом и отбытие, если получится. Получиться же, по моим расчётам, должно было стопроцентно.

На первом этапе, как ни странно, меня одолела бессонница; до стадии второй времени оставалось ещё порядочно, и я решил заняться мемуарами; а что? Чем чёрт не шутит!? Да и записку полагается черкануть – по традиции. Я перещёлкнул цвета – в начале было заглавие.

"Любопытство движет всем и всеми..." Любовь пытаться – искать, аскать – шиза какая-то! Фраза спланировала на лист. Я догнал колёсики водой, прикрыл глаза и представил, как главный редактор и издатели (первый отвергнувший "несчастливого" (издатели стали вторыми), друзья, критиканы и просто тусовочный люд, стоят у гроба и перешёптываются, – А вы знаете, коллега... Я иногда в нём замечал... Мда... Какой талант... Ах! и как рано... Вай-вай-вай...

Отчего-то это “Вай-вай” меня взбесило, и я решил ускорить ход событий. Моя рука ещё что-то карябала, когда в гла-

зах замерцало, виски сжал тугой стальной обруч; из желудка потянулись ледяные щупальца; члены оцепенели. Холод коснулся сердца и дополз до макушки. Сумерки очей сменились ночью, и я провалился в за клубившуюся тьму.

Прошла вечность... или миг? Незаметно посветлело. Всё приобрело синевато-чёрный окрас.

– Надо бы включить свет, – подумал я и обнаружил, что настольная лампа включена, но света от неё как от одинокого светлячка в мрачном сыром бору.

По углам шевелились расплывчатые тени. Там, где висело зеркало, зиял вход в тоннель, словно занавешенный водой. Мне даже показалось, что там мелькнуло нечто розовое и хвостатое (не поросёнок!). Раздавались странные звуки.

– Начинается! – вспыхнуло в мозгу. Кошмара мне только и не хватало! Вот и решился с жизнью! Да я в гро... – моя речь оборвалась на полуслове – странное полупрозрачное, светящееся тёплым бело-розовым внутренним светом крылатое существо стояло? в дверях.

Я услышал голос, правильнее было бы сказать, голос звучал во мне самом.

– Ты сделал выбор?

– Да! – ответил я почти гордо.

Повисло неловкое молчание. Наконец, светлый гость нарушил его:

– Пойдём.

– Куда это? – насторожился я.

– Туда, – он возвёл “очи горе”, – давай руку.

Если это – сон, то... – я протянул руку и...

Комната и всё в ней поплыло. Вначале я испугался. Затем пришло состояние, похожее на обкурку, но гораздо светлее и приятней – просто неопишное! Мы воспарили сквозь потолок, крышу и: алмазы, аметисты, рубины, сапфиры за-сверкали, заиграли на тёмно-синем своде космического собора. Полная Луна горела, словно серебристо-алая лампада. По ней пробегали разноцветные полосы. Мостом из самоцветов уходил вглубь Вселенной Млечный путь; звал и манил в беспредельность звёздных скитальцев...

С красот неба я перевёл взор на грешную Землю. Город спал, укутанный туманным одеялом. Поверх него заботливая Ночь разостлала тонкое кружевное покрывало. Мерцающий узор из огней автомашин, сполохов неона, казалось, дышал, а фея продолжала вышивать люреksom дорог и золотом окон матово-чёрную бязь, вкрапляя нежно-розовые жемчужины фонарей и бисер светофоров.

Старый Город нежился в меланхоличном потоке. Шпили его соборов царапали облака и казались ирреальными, принесёнными из древних легенд каким-то неведомым волшебством.

– Всё – прах. – вернул меня из сказки голос, – Творец – вечен.

И, помолчав, продолжил, – вы – рабы материи, разум же ваш – беспределен.

И, не успев я спросить о Добре и Зле, снова заговорил:

– Не знаю... Вам всё дано, и сверх того... Сейчас смотри же...

Мы поднялись выше облаков, к самым небесным сокровищам, и повисли в эфире. Если бы я хотел, то мог бы спокойно погладить Большую Медведицу. Интересно, какая шёрстка у звёздных животинок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.